

ЭССЕ

А.Е. Левинтов

МНОГОЛИКАЯ ОКРАИНА

Неважно как считать нас — Евразией или Азиопой, и куда ни кинь — мы всё одна сплошная чья-то окраина и обочина. И это самоощущение межмочного пространства и положения породило в нашей ментальности богатейшее смыслами и нюансами понятие окраины. Этому и посвящена данная статья.

Периферия

Строго говоря, «периферия» — латинский (общеевропейский) аналог нашей окраины, точнее «окраина» — калька с периферии. Иностранное звучание, однако, не облагораживает и не снимает негативных коннотаций.

Периферия пахнет затхлостью: мышами и мышиным помётом, раскаленными смолистыми шпалами, негашеной известью общественных удобств во дворе, зарослями лопухов, крапивы, золотых шаров и пыльной геранью в подслеповатых покосившихся окнах, раздолбанными шпингалетами облупившихся оконных рам общежитийных человеичиков, ячневым гарниром к гуляшу из вымени, использованными презервативами, устилающими утопанные парки культуры и отдыха имени Никого, казармами гарнизонов, застав и точек, проржавевшим кровельным железом, сараями, обклеенными изнутри в мелкий цветочек и журнал «Огонек», свеженаколотыми дровами и угольными кучами на зиму — у каждого своя вонь и аромат периферии, сложный букет привычности и отчаяния, страхов, сплетен, интриг и прорастающих сквозь всё это Ромео и Джульетт.

Захолустье

Холуями называли безземельных дворовых, которые, выйдя по немощи, в расход, отправлялись барином в самый дальний угол на доживание, с глаз долой. Так вот, захолустье еще дальше. Жить в захолустье — значит жить нигде, как в каком-нибудь Котласе, на крайнем юге Крайнего Севера: и здесь бывают автомобильные пробки, но не из-за интенсивности движения, а потому что здесь еще ни разу никто не ремонтировал дороги и улицы.

В захолустье ты не только нигде, но и никто, житель неизвестного города из фильма «Облако-рай». Главное в захолустье — бесцельность и бессмысленность существования: это даже не дожитие, поскольку жизни-то так и не было.

Для меня символом захолустья остается Ненецкий национальный город и его захолустные квинтэссенции: Нарьян-Мар, о котором все знают только, что «городок не велик и не мал»; Пустозёрск, где сожгли протопопа Аввакума с сотоварищи, и с тех пор город с численностью ноль стоит на горизонтали ноль со смыслом ноль; Амдерма-2 в Маточкином Шаре на Новой Земле — 20 тысяч жителей живут ядерными испытаниями уже несколько десятилетий; долина реки Пёши с двумя деревнями Верхняя Пёша и Нижняя Пёша: пойманную рыбу навагу сдают государству, а государство завозит им за это треску, хека или спинку минтая.

Затрапезность

Не надо думать, что затрапезная окраина – место, где только и делают, что трапезничают, жрут. Затрапез — дешевая платяная ткань, изобретенная владимирским фабрикантом Затрапезниковым.

Затрапезность – это прежде всего бедность, бедность на грани нищеты.

На этой грани жили москвичи, а более того петербуржцы в 19 веке (смотри романы Ф. М. Достоевского и очерки Г. Гиляровского), на этой грани жил весь советский народ: черное-серые одежды, парусиновая обувь или обувь на микропорке, вместо автомобилей — запорожцы и жигулята, вместо еды — общепит и соль-спички-мыло. Коктейль Козельска и Старой Руссы, Скотопрогоньевск Достоевского — арена карамазовских страстей в затрапезных декорациях.

Приезжавшие к нам единодушно обсуждали общественное и уличное уныние очередей, давок, толчеи.

Затрапезность стала стилем советского образа жизни с первых же лет советской власти, да и сейчас эта затрапезность никуда не делась, просто стала крикливой и наглой.

Лихая окраина

Лихоборы и Благуща (где ограбляемые орали благим матом) — лихие окраины Москвы. Лихими были казацкие окраины России: сюда бежали ради воли крестьяне или просто лихие разбойники. Здесь же процветало и лихоимство – взяточничество, воровство и самодурство царёва служилого люда.

«Чем дальше от дома, тем вычурней мат» — это лингвистическое наблюдение справедливо и в поведенческих стереотипах. Буйно жили и живут на приисках, на вахтовках (на Колгуеве острове в Баренцовом море буйствуют и бесчинствуют башкирские нефтяники «Лукойла» — самое крупное стадо лебедей обречено, ведь лебедь по понятиям этих наймитов — ведро мяса, всего лишь).

«Не пойман — не вор» — а кто ловить-то будет? — такой же вор. А раз никто не видит, то — Гуляй-Поле во всю ширь лихой и жестокой души.

Тихая окраина

И это вовсе не отменяет тихой окраины, где так тихо, что слышен муравьиный топоток, и эта тихая окраина очень привлекательна. Люди состоятельные стараются жить на тихих окраинах городов. И это не только тишина: в Биг Суре на Первой дороге в Калифорнии жилья можно и не заметить — оно мимикрирует под скалы, зелень, не нарушая собой ландшафт или даже пейзаж. Тихая окраина Риги — санаторная зона, где главные ценности — здоровье и долголетие. В самом центре Парижа на Монмартрском холме — маленький виноградник, экзотическая окраина винодельческой Франции.

Тихая окраина располагает к неге, к интимным и укромным страстям, к забвению от всеобщей суеты. В таких местах чуткая сонность может прорываться сполохами фантазий. Тихая окраинность Тархан стала колыбелью буйного гения Михаила Лермонтова.

Уединение

Обычно тихая окраина связана с уединением.

Я жил в тихом калифорнийском городке Марина, на самом берегу океана. У меня было прозвище «монтерейский отшельник». Иногда ко мне приезжали, прямо из Денвера, чтобы убедиться, что я есть, а не миф. К моему уединению относились бережно — особенно женщины.

Уединение, отшельничество, одиночество — если есть нужда в познании себя и мира, нет ничего лучше уединения в месте незаметном, неприметном. Уединение очень притягательно и наркотично: ни по чему так не скучаешь, как по одиночеству и уединению.

А социальность — удел людей внутренне пустых: они боятся своего выхода на пенсию, своей невостребованности, своей ненужности — таким бедолагам нечего делать в уединении и одиночестве.

Произвольная окраина

Здесь речь идет о произволе, о буйстве воли «хозяина окраины».

Каргопольский мещанин Александр Баранов, волею судеб выброшенный на шальные просторы Русской Америки, в Ново-Архангельск, превратился в ничем не сдерживаемого деспота, богохульника, развратника, пропойцу, мерзавца, тирана, исчадие всех пороков и источник бед несчастных индейцев и еще более несчастных русских, попавших в этот ад.

Кушчевка — еще один, современный нам пример произвола на окраине. «До Бога высоко, до царя далеко» — доктрина окраинного произвола, вседозволенности, сатрапства.

Бездельная окраина

Видный отечественный географ Л. Смирнягин утверждает: административные границы наших «субъектов Федерации» хорошо видны из Космоса: тут ничего не происходит, всё поросло запустением и, бесхозяйственностью, бездельем. Эти земли, дороги и поселения никому не нужны. В Мензелинск, что на границе Татарии и Башкирии трудно въехать — сюда никто и

не въезжает. В местном «парке» только два следа человеческой жизни: заколоченный навсегда тир и плакат «Товарищи!»

Здесь бездорожье достигает максимальных градусов, здесь присутствие человека более, чем сомнительно...

Без окраин и бескрайность

Как ни странно, это — антонимы. Голландцы, зажатые соседями и морем, обходятся без окраин. Нет окраин у Бельгии, Люксембурга, об окраинах Лихтенштейна можно говорить только с улыбкой — чуть превысил 25 км/час — и вылетел за пределы этого сказочно-игрушечного королевства.

А мы живем в бескрайнем пространстве — его края и окраины необозримы и недостижимы. И нет нам ни края, ни предела, ни окорота — что хотим, то и воротим. Мы именно поэтому, наверно, такие одноразовые. Нам всё кажется, что в каждом месте — как впервые и скорее всего — в последний раз, а потому можно бражничать-безобразничать всласть и безнаказанно. Наша бескрайность — и земли и сознания — привела нас к тому, что живем на помойке, на огромной свалке: мусора, истории, мыслей. Наша бескрайность делает для нас любое будущее невозможным, вот почему мы сначала отдали его нелепому учению немецкого бухгалтера, а теперь предали в руки Божии.

В. П. Казарин

КРЫМ. ГЕНИИ МЕСТА

Богат и полон самой разнообразной жизни XIX век в Крыму! Вспомним, кто сопровождал, кто встречал и провожал, кто беседовал, кто осенял Раевских и Пушкина в их путешествии по Крыму. Какая блестящая и многоликая плеяда людей! В Керчи — это археолог, основоположник первого в России археологического музея П. Дюбрюкс и капитан-лейтенант, будущий известный адмирал Н. Ю. Патаниоти, в Феодосии — бывший градоначальник, автор ряда серьезных книг о Кавказе и Крыме С. М. Броневский и действующий градоначальник, будущий Таврический гражданский губернатор Н. И. Перовский, в морском плаваньи на корвете «Або» — капитан корабля, будущий адмирал И. П. Дмитриев, в Георгиевском монастыре — знаменитый митрополит Хрисанф, в Симферополе — профессор Ф. А. Дессер, врач Ф. К. Мильгаузен, губернатор А. Н. Баранов и многие другие. Наследие XIX века до сих пор питает крымчан своими живительными соками.